

Т. Г. Иванова

**В. И. ДАЛЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ**

(к истории публикации «Пословиц русского народа»)

Отечественной фольклористике в общих чертах известна история трудного прохождения в 1853 г. сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» через цензурные препоны, прохождения, закончившегося поражением. Об этом писал в 1862 г. сам собиратель, когда его собрание наконец-то увидело свет. В предисловии «Напутное» В. И. Даль изложил основные положения своих рецензентов, воспрепятствовавшие публикации пословиц, и даже процитировал отдельные пассажи из их отзывов, но не назвал ни одного имени.¹

Более откровенно эта история освещена Н. П. Барсуковым в одном из томов его исследования «Жизнь и труды М. П. Погодина». Здесь названы имена всех участников цензурной истории: академики А. Х. Востоков, И. С. Кочетов, И. И. Давыдов, товарищ министра народного просвещения А. С. Норов, цензор Ю. Е. Шидловский, директор Публичной библиотеки М. А. Корф и, что немаловажно, великий князь Константин Николаевич. Н. П. Барсуков привел отрывки из переписки Константина Николаевича с А. С. Норовым, которые во многом прояснили ход дела, а также другие документы. Однако и здесь опущены многие важные детали цензурной истории В. И. Даля.²

В 1936 г. М. Шахнович опубликовал «Дело № 7 императорской Академии наук о рассмотрении двух томов, собранных г. Далем „Русских пословиц“», извлеченное им из протоколов Второго отделения (Отделение русского языка и словесности — ОРЯС) Академии наук.³ Таким образом в науку были введены письмо А. С. Норова к И. И. Давыдову с предложением рассмотреть рукопись В. И. Да-

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862. С. XVII—XX.

² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 169—172.

³ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. Вып. 4/5. С. 364—368.

ля; отзывы А. Х. Востокова и И. С. Кочетова; письмо И. И. Давыдова к А. С. Норову с изложением решения, принятого Академией. Участие Константина Николаевича в цензурной истории и его позиция по данному делу М. Шахновичем никак не оговаривается.

Через год, в 1937 г., Н. С. Плещунов напечатал в отрывках ряд дополнительных архивных материалов из фонда В. И. Даля, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, № 27463—27472): извлечения из отзывов Ю. Е. Шидловского и М. А. Корфа; из переписки В. И. Даля с А. В. Головниным; объяснительная записка собирателя по поводу академических отзывов. Как и в публикации М. Шахновича, которая, кажется, Н. С. Плещунову была неизвестна, здесь некоторые факты и документы интерпретируются неверно, но в целом это очень интересная работа. Дело в том, что Н. С. Плещунов в 1937 г. осмеливается не только называть в печати имя великого князя Константина Николаевича, приложившего, как мы покажем ниже, немало усилий, чтобы издание «Пословиц русского народа» состоялось, но и дает этому члену августейшей фамилии правдивую оценку. Заканчивая свою статью, Н. С. Плещунов писал: «Из приведенных материалов о сборнике пословиц Даля видно, что по вопросу о фольклоре в 60-х годах столкнулись две точки зрения. Представители одной точки зрения (Шидловский, Кочетов и др.) думали, что в фольклорных произведениях надо многое изменить, исправлять и подгонять под господствующую идеологию, и видели в фольклоре идеологическое орудие, классово себе враждебное, а потому и вели сомкнутым строем борьбу против пословиц Даля. Другие (Даль, Константин Николаевич, Корф) придерживались того взгляда, что произведения фольклора необходимо сохранить в том виде, как они „сказались“».⁴

В 1957 г. советские фольклористы, наученные многочисленными «чистками» и идеологическими «кампаниями», уже твердо владели правилами самоцензуры. Поэтому, описывая цензурные мытарства В. И. Даля в царской России, они строго подчинялись законам коммунистической цензуры. Так, В. И. Чичеров, автор обстоятельной вступительной статьи к переизданию дальевского сборника, ни разу не упоминает имя Константина Николаевича.⁵ Это тем более досадно, что этому исследователю, в отличие от его предшественников, был известен тот комплекс документов, который и стал основой нашей публикации (РО ИРЛИ, ф. 137, № 145).

В конце 1960-х—начале 1970-х гг. вышли в свет две научно-популярные биографии В. И. Даля, авторы которых, М. Я. Бессараб и В. И. Порудоминский,⁶ освещая «цензурную» страницу в биографии выдающегося гражданина России, опирались на названные выше публикации и также игнорировали роль великого князя в сложившейся ситуации. Цель нашей работы — выявить роль великого

⁴ Плещунов Н. С. К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля // Известия Азербайджанского филиала Академии наук. Баку, 1937. № 2. С. 36.

⁵ Чичеров В. И. Сокровищница народной мудрости // Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. XXII—XXVI.

⁶ Порудоминский В. И. Даль. М., 1971 (Сер. «Жизнь замечательных людей»); Бессараб М. Я. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. М., 1972 (первое издание: 1968).

князя Константина Николаевича в истории с «Пословицами русского народа» В. И. Даля и восстановить, буквально по дням, хронологию событий.

Сам В. И. Даль, излагая в «Напутном» свое видение цензурной истории 1853 г., имя Константина Николаевича прямо не называет, но намекает на него: «Сборнику моему суждено было пройти много мытарств, задолго до печати (в 1853 г.), и при том, без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею и намекнуть, не зная, будет ли это угодно».⁷ Фраза построена несколько коряво. Смысл ее заключается в настойчивых (и неоднократных) заявлениях собирателя о том, что инициатором продвижения сборника в печать был не он сам, а великий князь и его окружение. Такие утверждения В. И. Даля не лишены лукавства: без сомнения, он мечтал увидеть свое собрание напечатанным и искал просвещенного покровительства Константина Николаевича.

Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), второй сын императора Николая I, с детства был предназначен им для морской службы. Еще в младенчестве, в 1831 г., он получил чин генерала-адмирала. Главным воспитателем великого князя был знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке. Подготовка Константина Николаевича к морскому делу была весьма серьезной: в 1834 г., в восьмилетнем возрасте, он совершил первое плавание на военном судне «Геркулес»; в 1844 — большой переход из Архангельска в Кронштадт на корабле «Ингерманландец». Затем был целый ряд других плаваний, участие в военных сражениях во время карательного похода в Венгрию в 1849 г. В 1852 г. Константин Николаевич был назначен товарищем начальника Главного морского штаба, а с января 1853 г., в отсутствие главы Морского министерства А. С. Меншикова, стал его управляющим. Заслуги Константина Николаевича перед Россией велики. Он был одним из самых активных деятелей реформ Александра II, и главной из них — отмены крепостного права. На его долю выпало, после тяжелейшего поражения в Крымской войне и запрета, по мирному договору, иметь России свой флот на Черном море, возрождать морскую мощь страны.⁸

Помимо дел государственных, Константин Николаевич уделял огромное внимание развитию науки и культуры. Именно он стал инициатором посмертного издания собрания сочинений Н. В. Гоголя. По его указанию были проведены и знаменитые литературные экспедиции. В 1850 г. великий князь — почетный член императорской Академии наук; в 1852 г. — председатель Русского археологического общества; в 1873 г. — председатель Русского музыкального общества. Стоял он, с 1845 г., с момента основания, во главе и еще одного общества — Русского географического общества. Именно этот его пост и стал поводом для обращения к нему В. И. Даля.

⁷ Даль В. И. Пословицы русского народа. С. XVII.

⁸ См. о Константине Николаевиче: Константин Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Том «Кнаппе—Кюхельбекер». С. 120—155.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома документы по делу о «Пословицах русского народа» хранятся, как уже говорилось, в двух разных фондах — в личном фонде В. И. Даля, упомянутом выше (№ 27463—27472), и в архиве великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук, поэта К. Р., сына великого князя Константина Николаевича, внука Николая I (ф. 137, № 145). Отчасти документы в писарских копиях дублируют друг друга. Исследователи обычно обращаются к материалам из фонда В. И. Даля; второй же комплекс документов остается вне поля их внимания. Тем не менее это очень интересный источник для осмысления истории сборника В. И. Даля. Сведение документов, опубликованных в свое время М. Шахновичем (из архива Академии наук) и Н. С. Плещуновым (из фонда В. И. Даля), и материалов, хранящихся в архиве Константина Константиновича, позволяет восстановить историю прохождения «Пословиц русского народа» по цензурным мытарствам не в общих чертах, а детально, буквально по дням.

Единица хранения № 145 представляет собой папку с документами, сформированную по указанию великого князя Константина Николаевича. На папке имеется маркировка: «Канцелярия императорского высочества государя великого князя генерал-адмирала»; и далее стоит делопроизводственный номер — № 103. Она озаглавлена «О напечатании Собрания пословиц В. Даля»; внизу, согласно канцелярским правилам, указаны даты начала и окончания дела: «С июля 1853 г. по январь 1854 г.».

Почти все документы, собранные в этой папке, — это отпуски (копии) переписки Константина Николаевича и других лиц по поводу «Пословиц русского народа». Отпуски заверены А. В. Головинным. Так как это лицо имело к далевскому собранию непосредственное отношение, то охарактеризуем его. Александр Васильевич Головин (1821—1886), сын знаменитого мореплавателя В. М. Головина, в 1839 г. с отличием закончил Царскосельский Лицей. В 1840-е годы он служил при Министерстве внутренних дел. В 1848 г. — чиновник по особым поручениям при начальнике Главного морского штаба, а с 1850 г. — секретарь при великом князе Константине Николаевиче. Биограф Константина Николаевича отмечал: «Своим государственным развитием великий князь во многом был обязан Головнину, который познакомил великого князя, вне служебных отношений, с тою плеядою выдающихся общественных деятелей, которая постепенно группировалась впоследствии вокруг великого князя в эпоху преобразований императора Александра II».⁹ Сам же он в энциклопедическом словаре характеризуется следующим образом: «Головин был одним из лучших представителей движения, господствовавшего с конца пятидесятых до половины шестидесятых годов в наших административных сферах».¹⁰ В 1861 г. он был назначен министром народного просвещения. При нем был учрежден университетский устав, по которому университеты получили самоуправление; для пополнения персонала профессоров многие начинающие

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ А. Я. Головин Александр Васильевич // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9, кн. 17. С. 75.

преподаватели получили заграничные командировки; возникла сеть земских начальных школ; а бюджет Министерства народного просвещения был увеличен почти вдвое. Именно А. В. Головнин и был посредником между В. И. Далем и Константином Николаевичем.

В. И. Даль и А. В. Головнин были давними добрыми знакомыми. Они сошлись, когда В. И. Даль служил в Петербурге (1841—1849) чиновником особых поручений при Л. А. Перовском, бывшем в то время министром внутренних дел и товарищем министра уделов. В. И. Даль был управляющим особенной канцелярии министра внутренних дел, а А. В. Головнин его подчиненным — секретарем.¹¹ Объединяло их и совместное участие в 1845 г. в учреждении Русского географического общества, идея которого зародилась на петербургских «четвергах» В. И. Даля. А. В. Головнин стал первым секретарем (1845—1847) этого Общества. Давнее знакомство и позволило В. И. Дально, проживавшему в Нижнем Новгороде (1849—1859), 19 марта 1851 г., когда он заканчивал работу над «Пословицами русского народа», обратиться к А. В. Головнину с вопросом о возможности публикации своего труда. Письмо В. И. Даля нам неизвестно, но ответ последнего сохранился в архиве собирателя (№ 27463, л. 1—2):

Письмо А. В. Головнина к В. И. Дально

29 марта 1851 г.

29 марта 1851.
Петербург.

Письмо Ваше, почтеннейший Владимир Иванович, от 19 марта я докладывал великому князю. Его высочество приказал мне уведомить Вас, что он примет с большим удовольствием собрание пословиц и будет стараться, чтобы Геогр<афическое> общество напечатало оное на свой счет. Предмет этот очень его занимает, и я уверен, что когда ближе познакомится с ним, то еще больше полюбит. Итак, главное дело сделано. Остается Вам прислать прямо на имя великого князя или ко мне Ваше детище. Чтобы успеть в Вашем деле наилучшим образом, я полагаю бы полезным: 1) чтоб до присылки самого собрания пословиц, которое еще переписывается, Вы доставили бы мне любопытную записку о важности пословиц в этнографическом отношении, пользе изучения оных, занимательности этого изучения и пр. Эту записку я прочел бы великому князю в конце апреля вечером в Павловске, когда он более свободен, чем в городе, и она служила бы приготовлением к другому.* Затем к 10 мая пришлите самое собрание пословиц, ибо 15-го великий князь идет на 4 недели бороздить взад и вперед Балтийское море и берет меня с собой. На корабле делать ему нечего, и тут-то пословицы будут кстати. Познакомившись с этим предметом, он уж непременно все сделает, что-

¹¹ Мельников-Печерский П. И. Владимир Иванович Даль: Критико-биографический очерк // Даль В. И. Полное собрание сочинений. СПб.; М., 1897. Т. 1. С. L—LII, LXIX.

бы пусгить в ход. Вот Вам искреннее выражение того, что я мог придумать лучшего.

Пред<анный> В<ам>
Головнин.

О просьбе <Роковой ?> я справлюсь и уведомя Вас.

* Эту записку можно бы потом напечатать в виде предисловия к пословицам или особо в «Геогр<афическом> вестнике».

К маю 1851 г. рукопись «Пословиц русского народа», предназначенная для Константина Николаевича, готова не была. Вскоре по поручению великого князя В. И. Даль занялся написанием своей книги «Матросские досуги» (см. официальную переписку В. И. Даля с морским ведомством по этому вопросу: РО ИРЛИ, № 27449, 27450, 27454, 27456, 27457). Поэтому только летом 1853 г. собиратель сумел доставить Константину Николаевичу два объемных рукописных тома, переписанных писарем. В настоящее время эти тома находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 137, № 178 и 179). На л. 5 первого тома имеется посвящение: «Его императорскому высочеству председателю императорского Русского географического общества, генерал-адмиралу, Великому князю Константину Николаевичу от собирателя». Листы 6—7 (автограф В. И. Даля) также обращены к великому князю:

Ваше императорское высочество!

С 1819-го года, когда я, молодым мичманом, поехал из Морского кадетского корпуса в Черное море, собирал и записывал я — почти не упуская ни одного дня — все богатства и особенности русского языка и ума, прислушиваясь всюду к беседе иговору той части народа, у которой язык и сама складка ума не переверстаны на чужой лад.

Одна часть этого сборника состоит из пословиц, поговорок и тому подобных изречений. Их не станет скоро и у нас, как почти нет у французов и вообще, сравнительно, немного в Европе. Огромный запас этот я задумал расположить не в азбучном, а в смысловом порядке: труд почти непосильный, потребовавший нескольких лет, и при всем том, далеко не доведенный до должного порядка и оконченности.

Но когда работа эта, в том виде как она есть, стала приходить к концу, то я предположил представить ее Вашему императорскому высочеству, как председателю Общества, в занятия коего входит и народописание, и еще более, как любителю всего родного. В это самое время я неожиданно получил милостивый вызов Ваш представить свой сборник.

Где просвещение и внимание к трудам предупреждает подобной встречей самые помышления делателя, там зерну сеятеля не будет суждено упасть в волчек и терние.

Вашего императорского высочества вернопреданный
В. Даль.

Нижний, 1853.

Черновик этого же текста-обращения сохранился в фонде В. И. Даля (№ 27472) и был в свое время опубликован Н. С. Плещуновым. Правда, атрибутирован текст как черновик письма В. И. Даля к Константину Николаевичу.

Двухтомная рукопись, помимо великого князя, побывала в руках нескольких внимательных и придирчивых читателей, оставивших в ней многочисленные отметки. Поэтому выделить пометы Константина Николаевича в настоящее время не представляется возможным. Однако можно не сомневаться, что он по достоинству оценил труд собирателя сокровищ народной мудрости. Сборник, в отличие от многих подобных, как определяют современные исследователи, обладает одной особенностью — «связностью, присущей цельному художественному тексту»;¹² «кажется, это единственный русский сборник пословиц, который можно с увлечением читать подряд»,¹³ как художественное произведение. Константина Николаевича, получившего прекрасное образование, знавшего литературу, без сомнения, эта сторона рукописи В. И. Даля не могла не подкупить.

Познакомившись с рукописью, 30 июля Константин Николаевич обратился к А. С. Норову, бывшему тогда товарищем министра народного просвещения, но фактически выполнявшему обязанности министра, с просьбой рассмотреть вопрос о печатании пословиц. Причем, обратим внимание, в отношении (ф. 137, № 145, л. 4) сразу же предлагалось передать рукопись в общую цензуру и параллельно — просить Академию наук напечатать собрание на свой счет, то есть великим князем ставились две практические задачи: получить формальное разрешение на печатание и найти источник финансирования книги.

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

30 июля 1853 г.

Отпуск.

Его превосходительству

А. С. Норову.

30 июля 1853 года.

№ 871.

Авраам Сергеевич. Известный литератор наш Даль представил мне в полное мое распоряжение плод многолетних трудов своих — собрание русских пословиц и изречений, расположенное им по смыслу оных, а не в азбучном порядке, которому следовали донныне собиратели пословиц. Труд г. Даля представляет вследствие сего безыскусственное выражение образа мыслей народа по разным предметам. Желая извлечь из одного всевозможную пользу, я полагал

¹² *Костюхин Е. А.* Иван Снегирев — человек, ученый, издатель пословиц // Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999. С. 472.

¹³ *Левин Ю. И.* Провербиальное пространство // Паремииологические исследования: Сборник статей. М., 1984. С. 108.

бы, если представится возможным, напечатать в пользу автора и для сего прошу Ваше превосходительство в особенное мне удовольствие принять на себя труд: 1) передать препровождаемые при сем два тома собрания пословиц на рассмотрение цензуры и возвратить мне, по возможности, в непродолжительном времени, с отметками просвещенного и благонамеренного цензора и разрешением печатать, и 2) предложить Академии наук, не признает ли возможным принять издание на свой счет в пользу автора, а в противном случае сообщить мне приблизительный расчет издержкам для напечатания оно-го в приличном виде в числе 1200 экземпляров.

Пребываю к Вам искренно доброжелательным

Подписал: Константин.

Верно: действ<ительный> стат<ский> советник Головнин.

По тону письма чувствуется, что Константин Николаевич не сомневается, что отзыв цензора будет положительным, и надеется, что Академия возьмет на себя материальные затраты по публикации рукописи. Обращение в Министерство народного просвещения нас удивлять не должно: Цензурный комитет до 1862 г. подчинялся именно этому министерству. Поэтому Константин Николаевич действовал вполне логично и правильно.

В тот же день, 30 июля, великий князь пишет письмо В. И. Далю, в котором выражает восхищение трудом фольклориста и готовность включиться в решение проблем по публикации рукописи (ф. 137, № 145, л. 5).

Отношение Константина Николаевича В. И. Далю

30 июля 1853 г.

Отпуск.

Его высочородию
В. И. Далю.

30 июля 1853 года.
№ 872.

Владимир Иванович. Получив с искреннею признательностью плод многолетних трудов Ваших — собрание русских пословиц, я удивлялся терпению и постоянству собирателя и отдаю полную справедливость счастливой мысли Вашей расположить пословицы не в азбучном порядке, как делали другие собиратели оных, но по смыслу изречения. Весьма желал бы я сделать собрание сие доступным для всех русских и для сего напечатать оное в возможно большем числе экземпляров в пользу автора и без всяких перемен. Не знаю, удастся ли мне осуществить это намерение, но о стараниях моих Вы получите своевременно уведомление.

Пребываю к Вам искренне доброжелательным

Подписал: Константин.

Верно: действ<ительный> стат<ский> советник Головнин.

Уже через три дня, 2 августа, А. С. Норов докладывал Константину Николаевичу о том, что им дано распоряжение Академии наук (Академия подчинялась Министерству народного просвещения) рассмотреть рукопись В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 6). Единственный экземпляр рукописи он посылает сначала не цензору, как предлагал в своем письме Константин Николаевич, а в Академию наук. В советской литературе этот эпизод трактуется, как правило, неверно. Так, в одной из биографий В. И. Даля говорится: «Рукопись далевого сборника поступила к министру просвещения А. С. Норову, который, не желая брать на себя ответственность, передал ее Академии наук».¹⁴ Как видим, биограф обращение А. С. Норова в Академию наук истолковывает как опасение брать на себя ответственность. На самом же деле, мы думаем, им двигали совершенно другие соображения, благожелательные по отношению к автору рукописи: Академия имела право публиковать свои произведения без общей цензуры, и А. С. Норов полагал просто облегчить прохождение рукописи В. И. Даля в печать. Сомнений в благополучном отзыве у него не было — труд В. И. Даля он называет «замечательным» и надеется, что Академия возьмет на себя расходы по его печатанию.

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

2 августа 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Вследствие рескрипта, коим Вашему императорскому высочеству благоугодно было удостоить меня от 31 минувшего июля, имею честь донести, что я сделал распоряжение о рассмотрении заключающегося в 2 томах собрания русских пословиц и изречений известного литератора нашего Даля прямо в императорской Академии наук, в Отделении русского языка и словесности, которое, по обсуждении сего замечательного труда, может уже по своему определению разрешить вместе печатание оного и принятие издержек печатания на свой счет, сообразно своим средствам. О последующем отзыве Академии наук я не замедлю представить благоусмотрению Вашего высочества.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею счастье быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

вернопокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 1567.

2 августа 1853.

¹⁴ Бессараб М. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. М., 1972. С. 175.

Внизу: Копия с сего отношения отослана г<осподину> ст<атскому> совет<нику> В. И. Далю.
«...» августа 1853 г.

Для того чтобы яснее представить себе картину всего происходившего с «Пословицами русского народа» В. И. Даля, дадим небольшую справку о А. С. Норове, имевшем к этому делу прямое отношение. Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) был образованнейшим человеком своего времени. Он знал не только обязательный для человека его круга французский, но и английский, немецкий, итальянский, испанский, латинский, греческий, древнееврейский языки. Среди окружения А. С. Норова были П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин, который обращался к нему на «ты» и пользовался его богатейшей библиотекой, и другие видные деятели русской культуры. Стихотворения и переводы А. С. Норова помогли ему занять достойное место в литературных кругах. В молодые годы, в 1818 г., он был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Позднее А. С. Норов найдет еще одну сферу приложения своим литературным талантам — описание путешествий. В 1821—1822 гг. он совершил поездку по Европе (Германия, Франция, Италия, Сицилия), результатом чего стала серия путевых очерков и книга «Путешествие по Сицилии в 1822 году» (СПб., 1828. Ч. 1—2). Через несколько лет — путешествие на Восток и в Иерусалим (см.: Путешествие по Святой Земле в 1835 г. СПб., 1838. Ч. 1—2; Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835. СПб., 1840. Ч. 1—2). Последняя большая заграничная поездка состоялась за несколько лет до смерти в 1861 г. (см.: Иерусалим и Синай: Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878).

Литературная деятельность А. С. Норова нашла общественное признание. В 1840 г. — он член Российской академии; в 1851 г. — действительный член Академии наук по Отделению русского языка и словесности. А. С. Норов был также видной фигурой ученых обществ — Археографического и Географического.

Однако литература не заслоняла от А. С. Норова служебной деятельности. Карьера его началась в 1810 г. в качестве юнкера в гвардейской артиллерии. В Бородинском сражении в 1812 г. он получил тяжелое ранение и потерял ногу, что не помешало ему после некоторого времени вернуться на военную службу. В 1823 г. он оставил военное поприще и, желая служить по штатской линии, вместо военного чина полковника получает чин статского советника. В 1827—1828 гг. в качестве чиновника особых поручений Министерства внутренних дел он совершил два заграничных морских плавания, посетив, в частности, Англию. В октябре—ноябре 1835 г. возглавлял комиссию по расследованию правонарушений раскольников в г. Ржеве. В 1839—1840 гг. — правитель Канцелярии комиссии по принятию прошений на высочайшее имя. С 1849 г. — сенатор. В феврале 1850 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения. С апреля 1854 по 1858 г. А. С. Норов был министром просвещения. На этой должности мемуаристами он характеризуется противоречи-

во. При всей своей образованности и просвещенности и даже либеральности А. С. Норов был подвержен внешним влияниям, и его решения зачастую приводили к цензурным притеснениям. После отставки с поста министра народного просвещения он был введен в Государственный Совет — высшее законосовещательное учреждение Российской империи. Это была высшая точка в служебной карьере А. С. Норова.¹⁵

Вернемся к истории с пословицами В. И. Даля как она предстает по материалам, опубликованным М. Шахновичем. Итак, 3 августа А. С. Норов пишет Ивану Ивановичу Давыдову (1792 или 1794—1863),¹⁶ председательствующему во втором отделении Академии наук (1851—1859), с указанием рассмотреть рукопись В. И. Даля. 8 августа, на ближайшем заседании Отделения русского языка и словесности вопрос этот рассматривается и поручается сделать отзыв академиком А. Х. Востокову и И. С. Кочетову. При этом сразу же выносится предварительное решение: «Отделение, получив рассмотрение собранных г. Далем пословиц и поговорок академику А. Х. Востокову и И. С. Кочетову, положило довести до сведения г. управляющего Министерством народного просвещения товарища министра, что оно с особым удовольствием готово напечатать сие собрание пословиц в „Памятниках и образцах народного языка и словесности“, как в издании, предназначенном Отделением для подобных трудов, если при ближайшем рассмотрении сборника г. Даля не встретится каких-либо непредвиденных препятствий».¹⁷ Материальные возможности Академии тогда, как и ныне, были очень ограниченными. Отдельного издания ей было не потянуть, а страницы первого специального продолжающегося издания по фольклору — «Памятники и образцы народного языка и словесности» — для собрания В. И. Даля она с готовностью решила предоставить.

Но далее обстоятельства начинают осложняться. В Академии рассмотрение двух объемных томов рукописи было поручено двум рецензентам, причем каждый из них внимательно ознакомился лишь с одним из томов. Первым с задачей справился А. Х. Востоков, рецензировавший второй том. Уже 20 августа ОРЯС рассмотрело его отзыв. Напомним, что А. Х. Востоков высказал следующие замечания по рукописи: несогласие с историческим истолкованием некоторых изречений («Ананьин внук едет из Великих Лук»; «Лиса Патрикеевна» и др.); сомнения в правильности помещать рядом с пословицами высказывания из Священного писания («Ищите и обрящите, толцйте и отверзется» и др.); указания на авторское (литературное) происхождение многих паремий, попавших в сборник («Политика — тухлое яйцо, неосторожно разобьешь, так одна только вонь» — А. В. Суворов); на переводные изречения из латинского и французского языков; необоснованные повторения одних и тех же

¹⁵ См. о А. С. Норове: *Вацуро В. Э.* Норов Авраам Сергеевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 359.

¹⁶ См. о И. И. Давыдове: *Кузнецова Н. В.* Давыдов Иван Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 73—74.

¹⁷ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 364.

пословиц, как в разных разделах, так и в одном и том же. Общий вывод был следующий: «...собирателю надлежало бы пересмотреть и тщательно обработать свой труд, который, конечно, содержит в себе весьма много хорошего».¹⁸

Согласимся, что данный отзыв вполне академичен и позиция А. Х. Востокова во многом правомерна: она исходит из предстваленной о «чистоте» жанра. Однако прав был и В. И. Даль, когда в 1862 г. отвечая на замечания своего оппонента, писал: «Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому, в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники, и для полноты перешли и в мой. Есть у меня и переводные — что замечено было в виде упрека — но я их не переводил, а принял, потому что они говорятя; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из Св. писания, и они даже большею частию переиначены — но они взяты мною не оттуда, и переделаны не мною, а так они говорятя».¹⁹ Фольклорист в своем собрании во главу угла ставит не жанр (пословицу), а живой русский язык, богатый перемиями самого разного характера. Недаром в издании 1862 г. появляется важный в смысловом отношении подзаголовок: «Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.».

Решение ОРЯС от 20 августа было следующим: «Ожидать мнения о 1-м томе того же собрания пословиц академика И. С. Кочетова».²⁰ Отзыв И. С. Кочетова был рассмотрен Академией 5 сентября. Как известно, мнение этого рецензента было в высшей степени неблагоприятным для автора. И. С. Кочетов обращал внимание на то, что расположение материала очень часто не соответствует выбранному принципу (отчасти эти замечания были вполне справедливы). Указывал И. С. Кочетов и на то, что в рукописи «есть места, возбуждающие сомнения, недоверие к точному их изложению».²¹ Так, по мнению рецензента, следует говорить не «Эту беду я бобами разведу», а «Чужую беду бобами разведу, а к своей ума не приложу». На это В. И. Даль в 1862 г., хорошо понимая вариантную природу народной словесности, справедливо ответит: «...каждая пословица го-

¹⁸ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365 (экземпляр отзыва А. Х. Востокова, отложившийся в протоколах заседания ОРЯС). См. также: РО ИРЛИ, ф. 137, № 145, л. 40—44 (копия, представленная Константину Николаевичу); № 27466 (копия, посланная В. И. Далю).

¹⁹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. XIII.

²⁰ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365.

²¹ *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365 (экземпляр отзыва И. С. Кочетова, отложившийся в протоколах заседаний ОРЯС). См. также: РО ИРЛИ, ф. 137, № 145, л. 28—39 (копия, представленная Константину Николаевичу); № 27467 (копия, посланная В. И. Далю).

ворится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу».²²

Но самыми угрожающими были следующие обвинения. О сборнике говорилось, что «в нем есть места, способные оскорблять религиозное чувство читателей» и «весьма опасные для нравственности народной».²³ Для доказательства приводились изречения, возмущившие рецензента: «Богу угождай, а черту не перечь»; «Поп свое, а черт свое»; «Ему и черт не брат» и др. Особенности нападки со стороны И. С. Кочетова вызвали пословицы старообрядцев и сектантов: «Образ Божий в бороде, подобие в усах», «Кто пьет чай, тот спасения не чаёт», «Себя скоплю — себе рай куплю» и др.

Такая позиция протоиерея И. С. Кочетова в советской литературе вызывала естественную негативную и саркастическую оценку. М. Шахнович пренебрежительно его называет «попом».²⁴ В. И. Порудоминский пишет: «...про этого не скажешь „критик“, „недоброжелатель“ — враг!»²⁵ Дадим краткую справку об этом участнике дела о собрании пословиц В. И. Даля. Иоаким Семенович Кочетов (1789—1854), сын сельского дьякона из Тамбовской губернии, в 1799 г. поступил в местную семинарию, а затем учился в С.-Петербургской духовной академии (1809—1814), став студентом первого набора в этом учебном заведении. После окончания Академии он остался преподавать в ней, вскоре заняв кафедру церковной истории. С 1817 г. — И. С. Кочетов профессор Духовной академии и одновременно Царскосельского Лицея. В том же году рукоположен в священники и причислен к придворной церкви Царского Села. Дальнейшая его карьера: 1825 г. — протоиерей Смоленской кладбищенской церкви; 1829 г. — благочинный церковью на Васильевском острове Петербурга; 1832 г. — кафедральный протоиерей Петропавловского собора.

И. С. Кочетов был доктором богословия (1823), автором богословских трудов. Самые известные из них — учебные пособия «Черты деятельного учения веры, или Начертание христианских обязанностей, изложенное в духе православной греко-российской церкви» (СПб., 1823; всего 5 изданий) и «Начертание христианских обязанностей по учению православно-кафолической церкви» (СПб., 1827; всего 6 изданий). В 1828 г. И. С. Кочетов был избран действительным членом Российской академии; в 1841 г., после объединения Российской академии и Академии наук, — почетный академик по Отделению русского языка и словесности; в 1846 г. — ординарный академик. В Академии И. С. Кочетов много занимался подготовкой академического Словаря русского языка и «Опыта областного великорусского словаря» — двух известных изданий середины XIX в.²⁶ Вероятно, человеку с его биографией, действи-

²² Даль В. И. Пословицы русского народа. С. XIV.

²³ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 365.

²⁴ Там же. С. 324.

²⁵ Порудоминский В. И. Даль. С. 300.

²⁶ О И. С. Кочетове см.: Ник-ий Аи. Кочетов Иоаким Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Том «Кнаппе—Кюхельбекер». С. 360—362; Сенько П. Н.

тельно, трудно было примириться с некоторыми зафиксированными В. И. Далем изречениями русского народа. Широта взглядов сыну сельского дьякона, своими силами добившегося значительных карьерных высот, была не присуща.

10 сентября И. И. Давыдов довел до А. С. Норова решение Академии наук, которое заключалось в следующем. Так как Академия имела право печатать без общей цензуры только труды своих сочленов или работы, безусловно ею одобренные, то предлагалось рукопись В. И. Даля подвергнуть общей цензуре. В то же время Академия не отказывалась, по разрешению цензуры, опубликовать собрание в «Памятниках и образцах народного языка и словесности». При этом указывался еще один путь изыскания материальных средств для печатания пословиц — представить рукопись на соискание Демидовской премии. В случае победы обыкновенно выдавалось определенное вспомоществование на напечатание труда. Если автор согласится на этот путь, то необходимо было срочно, до 1 ноября, получить разрешение общей цензуры.²⁷

Ответ Академии наук в советской фольклористике нередко интерпретировался тенденциозно. Н. С. Плещунов пишет: «...упоминание о недостатке средств есть маневр, при помощи которого <...> думали заставить Даля взять рукопись обратно».²⁸ Примерно так же оценивает позицию Академии и В. И. Чичеров, который, кстати, публикацию Н. С. Плещунова, кажется, не знал: «Такое решение, несомненно, ориентировалось на отказ самого В. И. Даля принять требования изменений, высказанное в отзыве Кочетова, а следовательно, и от издания сборника Академией наук. На случай, если Даль все же будет настаивать на издании книги, II отделение предупредило, что сборник В. И. Даля должен будет пройти не академическую, а общую цензуру для представления в Академию к срочному времени, т. е. к 1 ноября».²⁹ На самом же деле срочность общей цензуры требовалась, как мы говорили, для того, чтобы успеть подать рукопись собирателя на конкурс по очередному присуждению Демидовской премии.

Получив заключение Академии, А. С. Норов, явно не ожидавший такого поворота дела, решил, не докладывая пока ничего великому князю Константину Николаевичу, отправить рукопись в Цензурный комитет. В свою очередь, великий князь, не получая от А. С. Норова никаких сведений, 27 октября обращается к тому с запросом, когда же можно ожидать заключение от Академии наук (ф. 137, № 145, л. 10).

Русские церковные деятели — члены Академии наук: Историко-биографическое исследование. СПб., 1995. С. 97—98. Названные словарные статьи в отдельных деталях в изложении биографии И. С. Кочетова расходятся. Так, П. Н. Сенько годом смерти И. С. Кочетова называет 1851 г.

²⁷ Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. С. 368.

²⁸ Плещунов Н. С. К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля. С. 33.

²⁹ Чичеров В. И. Сокровищница народной мудрости. С. XXIV.

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

27 октября 1853 г.

Отпуск.

Прошу Ваше превосходительство взять на себя труд в особенное мне удовольствие сообщить мне, когда можно ожидать от Академии наук заключения ее относительно переданных Академии для рассмотрения собрания пословиц Даля, и буде возможно, ускорить ход этого дела.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

№ 946.
27 октября 1853 г.
Его превосходительству А. С. Норову.

30 октября А. С. Норов отвечает о положении дел, не заостряя, впрочем, внимания на отрицательном отзыве одного из академиков. Смысл ответа в том, что собрание пословиц «подлежит общей цензуре» и требует некоторых изменений. По-видимому, А. С. Норов еще надеется на благоприятный отзыв Цензурного комитета (ф. 137, № 145, л. 11—12).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

30 октября 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Ваше высочество от 27 сего октября изволили приказать мне донести Вам, когда можно ожидать от Академии наук заключения относительно переданного ей для рассмотрения Собрания пословиц Даля.

Имею честь представить, что Собрание пословиц Даля рассмотрено уже во Втором отделении императорской Академии наук. Основываясь на заключении академиков Востокова и Кочетова, Отделение полагает, что в этом Собрании, которое во всяком случае подлежит общей цензуре, необходимо сделать некоторые изменения, а иное даже исключить, и хотя по недостаточности своих сумм, Отделение не может принять на себя издания в свет рукописи особою книгою, но оно готово поместить этот труд в «Памятниках и образцах народного языка и словесности», как в издании, предназначенном для подобных сочинений. В вознаграждение за это, по принятому правилу, назначается не более 30 рублей серебром за печатный лист и 50 отдельных оттисков статей. Сообщая мне эти сведения, председательствующий в Отде-

лении действительный статский советник Давыдов присовокупил от себя, что если Собрание пословиц будет представлено на соискательство Демидовской премии, то в случае удостоения оной в полном (5 тысяч рублей ассигнациями) или половинном (2500 р. асс.) количестве, может быть, сверх того, по особому уважению, выдано вспомоществование на отпечатание.

Ныне рукопись Даля находится в рассмотрении С.-Петербургского цензурного комитета, в который она передана мною еще 19 сентября; для ускорения же хода этого дела я вновь предлагаю о сем тайному советнику Мусину-Пушкину.³⁰

С глубочайшим высокопочитанием и совершенную преданность имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

всепокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 2044.

30 октября 1853.

Но Константин Николаевич уже обеспокоен судьбой собрания. Поэтому 1 ноября он пишет А. С. Норову, чтобы тот не забыл, после рассмотрения рукописи цензором, вернуть ее ему. Очевидно, что великий князь проявляет искренний интерес к делу и очень дорожит подаренной ему рукописью В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 14).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

1 ноября 1853 г.

Отпуск.

Впоследствии отношения Вашего превосходительства от 30 октября, № 2044, прошу Вас принять на себя труд, по рассмотрении общей цензурой Собрания пословиц Даля, прислать мне оное с отметками цензора.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головнин.

1 ноября 1853 г.

Его превосходительству А. С. Норову.

---

³⁰ *Мусин-Пушкин Михаил Николаевич* (1795—1862) — на 1853 г. член Главного управления цензуры; председатель С.-Петербургского цензурного комитета; попечитель С.-Петербургского учебного округа (1845—1856). Учился в Казанском университете. Участник военных походов 1812—1814 гг. Попечитель Казанского учебного округа; при нем Казанский университет стал центром по изучению восточных языков. Сенатор (1849). См.: *Р-в В. Мусины-Пушкины // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 20, кн. 39. С. 222—223.*

В то же время, 2 ноября, А. В. Головнин официально, по приказанию Константина Николаевича, обращается к В. И. Далю: согласен ли он на публикацию собрания в «Памятниках и образцах народного языка и словесности». Заключается письмо фразой, которая опять-таки рисует заинтересованную позицию Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 15).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

2 ноября 1853 г.

Отпуск.

По приказанию государя великого князя Константина Николаевича имею честь покорнейше просить уведомить меня, для доклада его высочеству, изволите ли Вы согласиться, чтоб Ваше Собрание пословиц было напечатано в «Памятниках и образцах народного языка и словесности» на основании изложенных в копии с прилагаемого сообщения т<айного> с<оветника> Норова, № 2044. Его высочество, желая сохранить все достоинство Собрания сего, изволил выразить намерение всемерно стараться, чтоб в оном не было сделано цензорами несообразных с истиною перемен и исключений.

Подписал: Головнин.
Верно: камергер Головнин.

№ 954.
2 ноября 1853 г.
Его высокоородию В. И. Далю.

В тот же день, 2 ноября, А. В. Головнин написал В. И. Далю и частное письмо по этому же поводу (№ 27463, л. 3—4), приложив отношение А. С. Норова к Константину Николаевичу от 30 октября.

А. В. Головнин к В. И. Далю

2 ноября 1853 г.

2 ноября 1853.
Петербург.

Великий князь генерал-адмирал, желая ускорить решение вопроса, как и когда издать поднесенное его высочеству Вами, почтеннейший Владимир Иванович, собрание пословиц, торопил Авр<аама> Сер<геевича> Норова, и вот ответ Норова на последнюю записку великого князя. — Вследствие одного его высочество приказал мне просить Вас уведомить: согласны ли Вы, чтоб собрание пословиц было напечатано в «Памятниках и образцах народного языка и словесности» на изложенных Авраамом Сергеевичем усло-

виях и сверх того представлено на соискание Демидовской премии. — Относительно замечаний цензуры вел<икий> князь не допускает возможности перемен и исключений в собрании пословиц, где нет ни рассуждений автора, ни вымысла. Впрочем, если последуют замечания, оные будут предварительно сообщены Вам.

Давно уже не имел я от Вас никаких известий. Искренно желаю, чтобы письмо это нашло Вас и Екатерину Львовну³¹ совершенно здоровыми. Я воображаю, как дети Ваши выросли,³² и уверен, что уже никого из них я не узнал бы. — Прошедшее лето я провел в разных местах, сопровождая великого князя в морских переходах по Балтийскому морю и оставаясь при нем в Стрельне и Павловске.³³ Только два дня как мы перебрались на зимнее житье в Петербург. Квартира моя — Литейн<ая> часть, по Итальянской улице, дом Чаруковского, куда и прошу Вас адресовать Ваши письма.

При дворе вел<икого> князя есть фрейлина, которая сохранила о Вас воспоминания давно прошедшего времени — Марья Александровна Воейкова, дочь Алекс<андры> Анд<реевны> Воейковой,³⁴ жившей некогда в Дерпте и умершей в Ливорно. Старшая сестра Ал<ександра> Ал<ександровна> — фрейлиной при вел<икой> княгине Марии Николаевне.³⁵ Эти дамы с восторгом вспоминают, как Вы рассказывали у них Ваши чудные сказки. Если бы Вы могли написать мне что-либо о их покойной матери и вообще о их житье в Дерпте, для прочтения им, то, конечно, доставили бы почитателям Вашим большое удовольствие.

Сверх того, я просил бы по временам, хотя изредка, писать что-нибудь о Нижнем Новгороде, о губернской жизни, о быте и отношениях удельных крестьян,³⁶ для прочтения вел<икому> князю, чтобы сблизать его и Россию, знакомить с местами, лицами и обстоятельствами вне круга придворного и столичного. Подобное зна-

³¹ *Даль Екатерина Львовна* (1819—1872) — вторая жена В. И. Даля.

³² Дети В. И. Даля от первого брака: Лев (1834—1877; будущий архитектор), Юлия (1838—1863; скончалась в девичестве); от второго брака: Мария (1841—?; в замужестве Станишева), Ольга (1842—1916; в замужестве Демидова), Екатерина (1845—?; автор воспоминаний об отце).

³³ Стрельнинский и Павловский дворцы с середины XIX в. до 1917 г. принадлежали Константину Николаевичу и его детям.

³⁴ *Воейкова Мария Александровна* (1826—1906) — фрейлина великой княгини Александры Иосифовны (1830—1911), дочь Александры Андреевны Воейковой (урожд. Протасовой) (1795—1829), племянницы В. А. Жуковского, жены поэта, критика, профессора Дерптского университета (1814—1820) Александра Федоровича Воейкова (1777—1839). См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 72—73; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. СПб., [1853]. Ч. 1. С. 17.

³⁵ *Воейкова Александра Александровна* (1817—1893) — старшая сестра М. А. Воейковой, фрейлина при великой княгине *Марии Николаевне* (1819—1876) (дочь Николая I, жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского).

³⁶ В. И. Даль в Нижнем Новгороде служил управляющим местной удельной конторы, то есть ведал делами 37 тысяч крестьян, принадлежавших августейшей семье. Вопрос А. В. Головнина об удельных крестьянах свидетельствует о том, что уже в 1853 г. окружение великого князя Константина Николаевича думало о реформах.

комство может отозваться благотельно в делах, и Вы сделаете истинно доброе дело, сообщив понемногу восприимчивому уму его правильные взгляды на многое и верные суждения, а между тем его покровительство может со временем пригодиться Вашим детям.

Душ<евно> пред<анный>

А. Головнин.

В те же дни А. С. Норов получил из Цензурного комитета рапорт цензора Ю. Е. Шидловского³⁷ (ф. 137, № 145, л. 22—26; см. также: № 27468 — копия, посланная В. И. Далю); отзыв был полностью отрицательным и указывал на те же непозволительные, с точки зрения цензора, богохульские изречения, что и И. С. Кочетов. Так как этот документ полностью никогда не публиковался, приведем его по копии, хранившейся в архиве Константина Николаевича.

Отзыв цензора Ю. Шидловского на рукопись В. И. Даля

29 октября 1853 г.

Копия с доклада 29 октября 1853 года председателю С.-Петербургского цензурного комитета цензора сего комитета коллежского советника Шидловского.

Рассмотрев рукопись г. Даля под заглавием «Пословицы русского народа», имею честь доложить о ней следующее.

1) В рукописи г. Даля находятся пословицы, поговорки, при словья, сказочные и песенные прибаутки, скороговорки, пустоговорки, загадки, догматы и поговорки раскольников, приметы, суеверья, клятвы, даже заговоры и пошепты колдунов и колдуний, и тут же помещены во многих местах рукописи тексты Священного писания. Такое смешение слов Священного писания с поговорками и пустословием народным может оскорбить религиозное чувство читателей.

2) Заглавия страниц рукописи не соответствуют их содержанию, отчего происходит вредная двусмысленность. Так, например, на листе 18 и обор<от> под заглавием «Ханжество» помещены следующие изречения:

Русский Бог велик.

Всяк язык Бога хвалит.

У них вера крепка (говоря о народе, значит: нравственность хороша).

На листе 223 под заглавием «Закон» читаем:

---

³⁷ Шидловский Юрий Ефимович — цензор С.-Петербургского цензурного комитета, надворный советник. См. о нем: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853. СПб., [1853]. Ч. 1. С. 166.

Два медведя в одной берлоге не уживутся.
Калиф на час.

На листе 128 под заглавием «Утешение» видим:

Хоть плюй в глаза, все Божья роса.
Голодный волк и заvertки рвет.
Нужда стену ломит.

На листе 113 обор<от> и 114 читаем под заглавием «Призна-
тельность»:

Черт, отдай мою молитву.
Не сули царства небесного, а не бей кнутом.
Око за око, зуб за зуб.
Кровь за кровь.

Несмотря на то, что смысловой порядок, данный автором посло-
вицам, должен выражать образ мыслей народа по разным пред-
метам, страниц, не соответствующих по содержанию своему сде-
ланным над ними заглавиям, очень много в рукописи.

3) Пословицы, поговорки и загадки, заключающие в себе слово
Бог и названия предметов, относящихся к религии, стоят рядом или
очень близко с изречениями, возбуждающими смех или заключаю-
щими в себе слова, которые не должны бы находиться в соприкос-
новении с предметами важными. Это же самое неуместно видеть и
отдельно в смешной загадке или поговорке. Таких мест много в ру-
кописи. Выписываю некоторые для примера:

Я с добром, а он с дерьмом.
За неблагодарных Бог благодарит
(лист 112 обор<от>).

Тишь да ладь да Божья благодать.
Дай Бог в честь да в радость.
Будь здорова, как корова, плодovitа, как
свинья (лист 196 обор<от>).

Плюнь да отойди.
Смелым Бог владеет
(лист 248).

Двенадцать апостолов и колен израильских.
Тринадцатый под стол.
Един Бог, десять заповодей, двенадцать
апостолов.

Две тысячи веников.
(Далее следует о мышах и козах)
(лист 67 обор<от>).

Гол да наг — перед Богом прав.
Наплевал бы, так хоть лапу сосал бы
(лист 58 обор<от>).

На кого Бог, на того и люди.
На кого люди, на того и собаки
(лист 135).

Не оттого оголели, что сладко пили да ели,
а видно так Бог дал.
На колбасах штаны проел
(лист 358 обор<от>).

На то лето — не на это, а на тот год, когда черт умрет.

В Вознесенье, когда будет оно в воскресенье (т. е. никогда)

(лист 277 обор<от>).

Жив, жив курилка — не умер,
жив Бог, жива душа моя

(лист 21).

Медной посуды — крест да пуговица,
рогатой скотины — петух да курица

(лист 57).

Прело, горело, осиново полено,
за море летело, за морем церковь,
в церкви икона, живопись куликова,
шишел, вышел, вон пошел

(лист 70 обор<от>).

Также не должно соединять следующие изречения и им подобные:

У него руки долги (т. е. власти много).

У него руки длинные (т. е. он вор)

(лист 300 обор<от>).

4) Искажены имена св. угодников Божиих, как например, на лис<тах> 435—479 рукописи читаем: Никиты гусятника; Евдокии огуречницы; Дарьи грязная пролубницы, оклады, замарай пролуби; Ивана Купала; Миколы; Николы; Аксиньи гречушницы; Авдотьи плющицы; Иова горошника; Еремея запрягальника и проч. Такое искажение имен св. угодников Божиих оскорбляет святыню и крайне неуместно было бы видеть его в печати.

Приняв все это во внимание, по моему мнению, рукопись г. Даля к напечатанию в настоящем ее виде допустить невозможно. Она требует многих со стороны автора поправок и изменений. В ней вообще встречаются те разногласия в народных убеждениях и те выводы суеверных предубеждений, которые постоянно изглаживались в течение многих столетий, а потому не должны быть вновь возбуждаемы, так как в настоящее время церковь и правительство, в благодетельных своих назиданиях, далеко уже отвлекли народ от тех пагубных увлечений, которые обуревали его младенчество, и что следовательно разные встречаемые в рукописи пословицы и поговорки раскольников, оуждение правильной цивилизации, кощунство, пословицы и поговорки против православного духовенства, казны, власти вообще, службы, закона и судей, дворянства, солдат, крестьян и дворовых людей, клятвы, суеверья и колдовство не только бесполезны, но, смею сказать, положительно вредны. Сюда же должно отнести пословицы и поговорки, опасные для нравственности народной вообще, также и поговорки семинаристов. Все это, по моему мнению, не должно быть допущено к напечатанию. Вообще сборник г. Даля в настоящем его виде требует так много исключений, что они могут составить более четверти рукописи.

Посему, основываясь на ст. 3 Устава о цензуре и на конфиденциальном предложении г<осподина> товарища министра народного

просвещения от 25 апреля 1853 года № 827, я полагаю: не допуская рукопись г. Даля к напечатанию в настоящем ее виде, предоставить автору сделать в ней надлежащие изменения и исключения, с тем, чтобы при последующем представлении рукописи в Цензурный комитет она была подвержена новому рассмотрению. Мнение сие имею честь представить на благоусмотрение Цензурного комитета.

/Подлинный подписал/ цензор Ю. Шидловский.
29 октября 1853 года.

Верно: старший секретарь канцелярии министра народного просвещения Пр. Янкович.

6 ноября А. С. Норов возвращает Константину Николаевичу рукопись В. И. Даля и прилагает к ней копии с отзывов Ю. Е. Шидловского и академиков А. Х. Востокова и И. С. Кочетова. В сопроводительном письме он формулирует и свое мнение: «печатание рукописи в настоящем ее виде разрешено быть не может», необходимы изменения и исправления (ф. 137, № 145, л. 20—21).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

6 ноября 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь.

Впоследствии рескрипта, коим Вашему императорскому высочеству благоугодно было удостоить меня от 1-го сего ноября, и полученного мною ныне донесения С.-Петербургского цензурного комитета, поспешаю почтительнейше представить при сем обратно рукопись «Собрания русских пословиц» Даля, в 2-х томах, и приложить как копию с рапорта рассматривавшего эту рукопись цензора Шидловского, так и мнения двух академиков. Ваше императорское высочество изволите усмотреть из отзыва цензора, мнение которого, как доносит мне тайный советник Мусин-Пушкин, разделяет и С.-Петербургский цензурный комитет, что печатание рукописи в настоящем ее виде разрешено быть не может.

Соображая такой отзыв с заключением двух академиков, коим поручаемо было предварительное обсуждение этого труда, я полагал бы и с своей стороны полезным, если бы г. Даль счел возможным в своем важном Собрании сделать изменения и исправления, соответствующие в главных местах, изложенным в рапорте Шидловского цензурным требованиям.

С глубочайшим высокопочитанием и неограниченную преданностью имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества

всепокорнейший слуга

Авраам Норов.

№ 2125.

6 ноября 1853 года.

Отзыв Ю. Е. Шидловского хранит на себе следы знакомства с ним Константина Николаевича, причем характер замечаний великого князя таков, что можно понять, что он во многом не согласен с цензором. Начиная с поговорки «Не оттого оголели, что сладко пили да ели, а видно так Бог дал» отчеркнуто карандашом до изречения «Жив, жив курилка, не умер: жив Бог, жива душа моя» и рукой Константина Николаевича написано: «можно» (то есть можно печатать). По поводу поговорок «У него руки долги» и «У него руки длинные» стоит то же замечание. И только относительно выписок Ю. Е. Шидловского от поговорки «Я с добром, а он с дерьмом» до «Две тысячи веников» великий князь делает уступку цензору: «Это все можно пропустить».

9 ноября А. В. Головнин пишет В. И. Далю официальное отношение и высылает собирателю в Нижний Новгород копии отзывов А. Х. Востокова, И. С. Кочетова и Ю. Е. Шидловского (№ 27463, л. 5).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

9 ноября

По приказанию великого князя генерал-адмирала, препровождая при сем отзыв т<айного> с<оветника> Норова, № 2125, с приложениями, имею честь покорнейше просить возвратить оный в Канцелярию его высочества с Вашими соображениями, изложенными с полною откровенностью для доклада великому князю.

Покор<ный> сл<уга> А. Головнин.

9 ноября 1853.

Петербург.

Его высокоблагородию Влад. Ив. Далю.

Наконец-то сам собиратель смог познакомиться с отзывами на свой труд. 17 ноября В. И. Даль пишет свою объяснительную записку, неоднократно цитировавшуюся в нашей литературе в отрывках и опубликованную в свое время Н. С. Плещуновым по варианту, отложившемуся в фонде В. И. Даля (№ 27470, л. 1—2). Так как сверху на этом документе рукой В. И. Даля написано «оставлено», то публикатор решил, что собиратель так и не отослал записку в Петербург. На самом деле это не так. В архиве Константина Николаевича находится другой, более эмоциональный, вариант этого документа, который и был отослан великому князю (в фонде В. И. Даля находится черновой автограф данного варианта). Публикуем его целиком (ф. 137, № 145, л. 16—17).

Объяснительная записка В. И. Даля

17 ноября 1853 г.

Вследствие объявленного мне приказания его высочества генерал-адмирала имею честь представить объяснения мои по отзывам цензуры и Академии о моем сборнике.

Отзывы эти в двух словах заключаются в том, 1-е, что сборник составлен небрежно; 2-е, что он не может быть напечатан.

В самом посвящении его высочеству я сказал: «Это труд для меня непосильный, потребовавший нескольких лет, и при всем том не доведенный до должного порядка и оконченности». Может быть, недостаток этот в отзывах не совсем справедливо назван небрежностью.

Век мой на исходе, досугу от служебных занятий остается мало, немочи одолевают — я сделал, что смог; пусть за мною потрудятся другие, им уже будет полегче.

Что сборник не может и не должен быть ныне напечатан, в этом я не только давно был убежден, но я его даже и вовсе не готовил для печати.

Опровергать засим, в частности, те из критических замечаний, которые мне кажутся неосновательными, было бы излишним и неуместным. Скажу только, что точки зрения и самые убеждения бывают неодинаковы. Так, например, можно взять два огромные томы и, перелистывая их, отыскивать то, что может дать предлог и повод к порицанию; и можно взять эти же томы и сказать: вот огромный, небывалый запас для изучения русского языка, народной мудрости и суетности. Это не сочинение, и собиратель не отвечает за то, что ему удалось; в порядке расположения можно бы еще сделать много улучшений, но это вообще труд, которому нет конца; каждый может пополнить, исправить и располагать по готовому, как ему угодно; благо запас собран и сохранен.

Это относится до точки зрения или взгляда; относительно убеждений — говорить труднее. Академия не только признает печатание сборника небезопасным, но даже опасается от него развращения нравов. Один из сочленов ее, для большей вразумительности, придумал даже для моего сборника свою собственную пословицу, сказав, что это куль муки и шепоть мышьяку. Если 35-ти летний мой труд мог побудить почтенного и всеми уважаемого академика к сочинению и применению такой пословицы, — то сборник мой очевидно развращает нравы. Остается положить его на костер и предать всесожжению.

С сущностью отзывов цензуры и Академии я согласен: пословицы не расположены окончательно в смысловом порядке и печатать сборника нельзя; но я не вижу, каким образом можно вменить человеку в преступление, что он собрал и записал, сколько мог собрать, различных народных изречений, в каком бы то ни было порядке. А между тем, отзывы эти отзываются какими-то приговорами преступнику.

Мне остается только просить, как милости, чтобы делу этому благоволено было не давать более никакого хода; никогда я не предполагал печатать своего сборника и ныне отнюдь этого не желаю.

Участь и судьба писателя нередко зависит именно от таких судей, которые всюду ищут и, к сожалению, находят отраву. Не знаю, до какой степени сборник этот может быть вреден или опасен для других, но вижу, что он мог бы сделаться весьма небезопасным собственно для меня. Но я представил рукопись его высочеству только для покровительственного сохранения ее; более я ни о чем не прошу и ничего не желаю. Приношу искреннюю, глубочайшую признательность мою за милостивую, истинно просвещенную заботливость о труде моем и за теплое к нему сочувствие, но прошу откровенно, как последней милости, оставить всякое помышление о напечатании его.

В. Даль.

17 ноября 1853 г.

Как видим, к середине ноября В. И. Даль уже отчаялся увидеть свое детище напечатанным. Более того, цензурная история его не просто огорчила, но явно испугала. Дело в том, что писателю не раз в своей жизни уже приходилось сталкиваться с ситуацией, когда написанное слово становилось небезопасным для свободы автора. В 1823 г. в Николаеве, будучи молодым мичманом, он сочинил сатирические стихи, направленные против адмирала А. С. Грейга, сарика, влюбившегося в некую молодую особу. В результате В. И. Даль оказался под судом. Через девять лет, в 1832 г., «Русские сказки Казака Луганского (Пяток первый)» вызвали неудовольствие властей и даже однодневный арест автора. В 1842 г. цензурный комитет остановил печатание романа В. И. Даля «Вахх Сидорович Чайкин». В 1848 г. у писателя были цензурные неприятности с рассказом «Ворожейка», закончившиеся выговором его непосредственного начальника Л. А. Перовского и побудившие его к переезду в Нижний Новгород. В 1851 г. подготовленный В. И. Далем «Месяцеслов» (кстати, затем включенный фольклористом в «Пословицы русского народа») был запрещен цензурой. Поэтому неудивительно, что отзывы И. С. Кочетова и Ю. Е. Шидловского, в отдельных своих пассажах похожие на политический донос, испугали немолодого собирателя.

Иной была позиция Константина Николаевича, чье положение в Российской империи позволяло не беспокоиться о собственной безопасности. Сложно сказать, когда великий князь смог ознакомиться с объяснительной запиской В. И. Даля. Тот, без сомнения, пользовался служебными каналами почты, поэтому не исключено, что записка была в руках Константина Николаевича уже к 24 ноября. Великий князь в это время еще не потерял надежду на публикацию собрания и поэтому 24 ноября он обращается к М. А. Корфу с просьбой просмотреть сборник и отзывы на него и составить по этому поводу свое мнение (ф.137, № 145, л. 46).

Отношение Константина Николаевича М. А. Корфу

24 ноября 1853 г.

Отпуск.

Прошу Ваше превосходительство принять на себя труд в особенное мне одолжение просмотреть прилагаемые при сем отзвыы о Собрании пословиц, которое представлено мне ст<атским> сов<етником> Вл. Далем, и сказать мне откровенно Ваше мнение о возможности печатать этот сборник, на который я смотрю как на огромный материал, который подлежит еще разработать, но разработка сия была бы, конечно, несравненно легче, если б собрание пословиц было напечатано и доступно многим любителям и знатокам русского слова.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головнин.

24 ноября 1853 г.

Его превосходительству барону М. А. Корфу.

М. А. Корф реагирует очень быстро — буквально в течение одного дня. Уже 25 ноября его отзыв был готов. Предложение его следующее: опубликовать собрание в полном виде в ограниченном числе экземпляров не для продажи, с тем чтобы книга оказалась только в крупных библиотеках. Этот документ, насколько нам известно, в полном виде также никогда не публиковался. Приводим письмо М. А. Корфа Константину Николаевичу и его Предложения (ф. 137, № 145, л. 47—49 — автографы).

Сопроводительная записка М. А. Корфа Константину Николаевичу

25 ноября 1853 г.

В исполнение повеления Вашего императорского высочества поспешаю почтительнейше представить в прилагаемой записке соображения мои о Сборнике г. Даля, осмеливаюсь с тем вместе повергнуть к стопам Вашим глубокую мою благодарность за сей знак милостивого ко мне доверия.

Статс-секретарь барон Модест Корф.

25 ноября 1853.

25 ноября 1853 г.

Тщательно обозрев возникшие на Сборник статского советника Даля замечания, я вижу в них два вопроса: один — о достоинстве сего сборника, другой — о его напечатании. Хотя мне предложен один последний, но я осмелюсь коснуться в нескольких словах и первого, по неразрывной их между собою связи.

Заключение академика Кочетова есть, что труд г. Даля в собрании пословиц русского народа и пр. достоин признательности, а недостаток в разборчивости при помещении материалов в сборник достоин сожаления. Соглашаясь вполне с первою частью этого заключения, не могу сказать того же о второй. Каждую работу должно судить по ее цели. Г. Даль предположил себе собрать все, а при такой цели — скажу откровенно, высокой и умной — можно бы сожалеть не о полноте, если она достигнута, а напротив, о пропусках, если б он дозволил себе такие по личному своему взгляду и разбору: следственно, недостаток того, что г. Кочетов называет разборчивостью, составляет не порок, а достоинство Сборника. Смею только думать, что лучше бы было не систематизировать собранного: простое народное слово должно и жить в той же простоте, в какой оно вылилось и внедрилось в предании, без искусственных подразделений, без попытки приводить в смысловой порядок такие вещи, которые часто не имеют никакого истинного смысла. Тогда отклонен бы был и повод к упреку в небрежности, — упреку довольно, впрочем, странному, так как он касается той части работы, которая стоила г. Далю именно наибольшего труда.

Обращаясь к вопросу о напечатании Сборника, я нахожу, что оно могло бы быть предположено в двух видах: или в полном его составе, или с пропусками.

Напечатать Сборник в полном его составе обыкновенным порядком для выпуска в публику — невозможно. Еще недавно государь император запретить изволил допускать в печать даже критики на зловредные иностранные сочинения, чтобы не разливать их яда под предлогом опровержений, а здесь множество лжеучений и вредных начал, может быть, еще более опасных для нашего народа, нежели мечтательные теории Запада,* изобразится во всей нагоде, и даже без всякого опровержения или вразумления. Это было бы совершенно противно нашим цензурным правилам и тому, что ими выражается: попечению правительства об утверждении добрых нравов и о соответственном потребностям народа просвещении его.

Напечатать Сборник с пропусками — все равно, что ничего не печатать: ибо что же и составляет его главное, может быть, единственное достоинство, как не полнота?

Но нет ли иного еще способа, чтобы книге, имеющей в себе столько полезного, дать полное практическое приложение без страха перед влиянием того, что есть в ней вредного?

Сборник пословиц в том виде, как он задуман и исполнен г. Далем, есть книга, для которой должно желать не читателей, а ученых исследователей, не той публики, которая слепо верит во все печатное

и посредством его укрепляется в своих заблуждениях или создает себе новые, а такой, которая умеет возделывать и дурную почву и извлечь из нее живоносный плод: следственно, круга самого ограниченного, которому не страшно дать в руки нравственный яд, как искусному врачу яд физический. В этом тесном кругу: для филолога, историка, этнографа, богослова, — сборник г. Даля представил бы небывалый, драгоценный запас к изучению отечественного слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вместе, народных предрассудков и суеверий. Отсюда мысль: нельзя ли сей Сборник напечатать в виде манускрипта, без всяких пропусков, в нескольких только экземплярах, не для продажи и обращения в народе, а единственно для хранения в главных библиотеках: Публичной, университетских, духовных Академий и некоторых ученых обществ?

Выгоды сего предположения очевидны. С одной стороны, важный труд г. Даля охранится от тех случайностей, которым так легко подвержена рукопись в одном экземпляре; с другой стороны, ученым специалистам на всех концах России будет открыта всегдашняя возможность им пользоваться в упомянутых Библиотеках, а между тем этот «куль муки с щепотью мышьяку» не попадет в те слои народные, для которых его содержание могло бы быть вредно и опасно.

Нельзя, впрочем, скрыть, что и при сей мысли встречается затруднение, хотя лишь материальное, но которое может остановить все дело. Это — издержки на напечатание, по объему рукописи — не малозначительное. Ими пришлось бы уже пожертвовать безвозвратно.

Излишне, наконец, было бы присовокуплять, что и в сем виде к напечатанию Сборника можно приступить — за отзывами цензуры и министерства народного просвещения — не иначе, как с особого высочайшего соизволения.

25 ноября 1853.

* Например, все пословицы и изречения раскольничьи, или иначе — ведущие к религиозному соблазну.

В советской литературе этот вынужденный проект М. А. Корфа подвергался саркастическим интерпретациям. В. И. Порудоминский, например, называет его «скопческим», а вся эта страница цензурных мытарств далеvской рукописи под его пером выглядит следующим образом: «Барон Модест Андреевич Корф, директор Публичной библиотеки (и он же — член Негласного комитета для надзора за книгопечатанием), рассудил по-своему: поскольку цель Далева труда „собрать все“, сборник следует напечатать „в полном его составе“, но поскольку это было бы „совершенно противно“, „попечению правительства об утверждении добрых нравов“, сборник следует напечатать „в виде манускрипта... в нескольких только экземплярах“ — и то „к напечатанию сборника можно приступить за отзывами цензуры и министерства народного просвещения“, да вдобавок — „не иначе как с особого высочайшего соизволения“. Прелюбопытнейшая мысль Корфа: „Сборник пословиц в том виде, как

он задуман и исполнен г. Далем, есть книга, для которой должно желать не читателей (!), а ученых исследователей, не той публики, которая слепо верит во все печатное... а такой, которая умеет возделать и дурную почву (!)“ . Даль всему народу хотел возратить взятые у него сокровища, а Корф предлагал (как милость !) держать труд Даля для нескольких ученых мужей под замком, в главных библиотеках».³⁸

Но возможно и иное понимание описанной ситуации: М. А. Корф, зная глубокую заинтересованность Константина Николаевича в напечатании собрания пословиц и понимая невозможность, после неблагоприятных отзывов Академии, осуществить этот план, предлагает единственно осуществимый выход — выход, продиктованный одним из эпизодов его собственной жизни. Для того чтобы понять, почему великий князь обратился за помощью именно к М. А. Корфу, напомним читателю его биографию.

Модест Андреевич Корф (1800—1876) был соучеником А. С. Пушкина по Царскосельскому Лицею. Начав в 1817 г. службу переводчиком в Министерстве юстиции, затем, в 1823 г., он перешел в Министерство финансов чиновником особых поручений, а в 1826 г. — чиновником в Собственную его императорского величества Канцелярию — во II отделение, занимаясь кодификацией законов. Здесь М. А. Корф принял активное участие в подготовке «Полного собрания законов» (1830; т. 1—45) и «Свода законов» (1832; т. 1—15). Деловитость и административные способности М. А. Корфа были замечены, и в 1831 г. он был назначен чиновником по управлению делами Комитета министров. В 1834 г. он уже статс-секретарь (то есть управляющий делопроизводством одного из департаментов Государственной канцелярии, существовавшей при Государственном Совете), а в 1839—1843 — государственный секретарь (возглавляет всю Государственную канцелярию). В 1843 г. М. А. Корф стал членом Государственного Совета. В 1861 г. назначен главноуправляющим II отделением Собственной его императорского величества Канцелярии. В 1864—1872 гг. — он председатель департамента законов Государственного Совета. 1 января 1872 г. уволен в отставку с пожалованием графского достоинства.

В историю русской культуры М. А. Корф вошел как директор Публичной библиотеки — пост, на котором он пребывал в течение 1849—1861 гг. (при сохранении всех прежних должностей). М. А. Корф сумел организовать работу библиотеки на качественно новом уровне. Среди многих нововведений, проведенных им, было и создание новых каталогов, и упрощение правил доступа в библиотеку для читателей, и учреждение отделения «Россики», и собиранье изданий Вольной русской типографии А. И. Герцена.

При этом следует отметить, что политические взгляды М. А. Корфа были достаточно консервативными. Знаменательно, что его докладная записка Николаю I о вредном влиянии журналов «Отечественные записки» и «Современник» послужила толчком для создания 2 апреля 1848 г. Негласного комитета для надзора над пе-

³⁸ *Порудоминский В. И.* Даль. С. 302—303.

чатку — учреждения, печально известного в истории отечественного книгопечатания. М. А. Корф был сначала членом этого Комитета, а с 1853 г. — его председателем. Именно эта должность М. А. Корфа и заставила великого князя Константина Николаевича обратиться к нему для разрешения сложной ситуации вокруг «Пословиц русского народа».

Вторая причина, подвигшая Константина Николаевича искать совета у М. А. Корфа, была в том, что последний в 1840-е годы преподавал юридические науки великому князю. Таким образом, это было обращение ученика за помощью к своему учителю.³⁹

Решение, предложенное М. А. Корфом, — издание труда В. И. Даля в малом числе экземпляров — также не случайно. В его собственной деятельности прецедент такого рода уже был. В 1848 г. М. А. Корф по просьбе будущего Александра II и с разрешения Николая I напечатал 25 экземпляров книги «Историческое описание 14 декабря 1825 года и предшедших ему событий». Второе издание этой книги, также предназначенное для узкого круга лиц, было осуществлено в 1854 г. И только после кончины Николая I и помилования декабристов эта книга под иным заглавием вышла в свет для широкой публики (см.: Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857).

Константин Николаевич очень внимательно ознакомился с докладной запиской М. А. Корфа. Об этом свидетельствует копия докладной записки, посланная В. И. Далю (№ 27464): на полях имеются карандашные пометы В. А. Головнина, отражающие мнение великого князя. Так, по поводу предложения М. А. Корфа не систематизировать пословицы отмечено: «С этим его высочество не соглашается» (л. 2). В том месте, где М. А. Корф подчеркивает, что собрание В. И. Даля это драгоценный материал для филологов, историков и этнографов, помечено: «Его высочество совершенно разделяет мнение ст<атского> секр<етаря> бар<она> Корфа» (л. 4). По поводу замечания о немалозначительных расходах для напечатания ограниченного тиража не для продажи: «Имеется в виду испросить назначения суммы» (л. 5). На указание о том, что для печатания потребуется особое высочайшее соизволение: «Предполагается войти со всепод<даннейшим> докладом в случае согласия г. Даля» (л. 5 об.).

Как видим, Константин Николаевич вполне соглашается с предложениями опытного в делах М. А. Корфа. Об этом свидетельствует и его отношение (ф. 137, № 145, л. 54).

---

³⁹ См. о М. А. Корфе: *Голубева О. Д.* Корф Модест Андреевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 275—282.

Отношение Константина Николаевича М. А. Корфу

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

Вполне соглашаясь с мнением Вашего превосходительства насчет Собрания пословиц ст<атского> сов<етника> Даля, я весьма благодарю Вас за труд рассмотрения оных, и постараюсь исполнить Ваше предположение.

Подписал: Константин.
Верно: камергер <Головнин>.

26 ноября 1853 г.
Его превосходительству барону М. А. Корфу.

В тот же день, 26 ноября, А. В. Головнин по распоряжению Константина Николаевича запрашивает В. И. Даля, согласен ли он на предложение М. А. Корфа о печатании пословиц в малом числе экземпляров (ф. 137, № 145, л. 52; этот документ отложился также в архиве В. И. Даля — № 27463, л. 6).

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

По приказанию государя великого князя генерал-адмирала, в ответ на записку Вашу от 17 ноября, имею честь препроводить копию соображений статс-секретаря барона Корфа (председателя Негласного высшего цензурного комитета) относительно напечатания Собрания пословиц в ограниченном числе экземпляров и покорнейше прошу почтить меня уведомлением для доклада его высочеству, согласны ли Вы на подобное распоряжение.

Подписал: А. Головнин.
Верно: губернский секретарь <подпись неразборчива>.

26 ноября 1853 г.
Его высокоородию В. И. Далю.

Одновременно Константин Николаевич дает распоряжение контр-адмиралу Богдану (Готлибу) Александровичу Глазенапу (1811—1892),⁴⁰ директору Морского кадетского корпуса, который имел свою

⁴⁰ О Б. А. Глазенапе см.: *Александрович Е. Глазенап Богдан (Готлиб) Александрович* // Русский биографический словарь. М., 1916. Том «Гербергский — Гогенлоэ». С. 254—256.

типографию, подсчитать, во сколько обойдется напечатание далевского собрания в количестве 100 экземпляров (ф. 137, № 145, л. 53).

Отношение Константина Николаевича Б. А. Глазенапу

26 ноября 1853 г.

Отпуск.

Прошу вас представить самый экономический расчет: что могло бы стоить напечатать в Вашей типографии (считая бумагу, печать, корректуру, самый простой переплет и пр.) 100 экземпляров посылаемого при сем Собрания пословиц.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

26 ноября 1853 г.
Его превосходительству Б. А. Глазенапу.

Уже 28 ноября Б. А. Глазенап представил великому князю примерную смету (ф. 137, № 145, л. 57).

Отношение Б. А. Глазенапа Константину Николаевичу

28 ноября 1853 г.

Имею счастье представить у сего Вашему императорскому высочеству на утверждение 20-ый полулист Описи Архива.

Кроме того, вследствие полученного приказа, всепреданнейше представляю два образца предполагаемого издания сочинения Даля.

Ценность издания по образцу № 1

Число печатных листов — 90.

Плата за набор, печатание и корректуру

по 8 р<ублей> серебром за лист, а за 90 листов — 720 р.

Бумаги 19 стоп, по 4 р<убля> сер<ебром> за стопу — 76.

Переплет по 20 коп<еек> сер<ебром>, за 100 экземпляров — 20.

Всего — 816

Ценность издания по образцу № 2

Число печатных листов около 70.

Плата за набор, печатание и корректуру

по 9 р<ублей> сер<ебром> за лист, а за 70 листов

— 630 р<ублей> сер<ебром>.

Бумаги 15 стоп, по 4 р<убля> сер<ебром> за стопу — 60.

Переплет по 20 коп<еек>, за 100 экзempl<яров> — 20.

Всего — 710 р<ублей>
сер<ебром>.

Свиты его величества контр-адмирал
Глазенап.

28 ноября 1853.

К письму Б. А. Глазенапа были приложены два образца типографского набора пословиц. Эти листы также в настоящее время находятся в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 58—59). 29 ноября А. В. Головнин пишет В. И. Далю (№ 27463, л. 7):

Отношение А. В. Головнина В. И. Далю

29 ноября 1853 г.

По приказанию великого князя генерал-адмирала имею честь препроводить две пробы печатания пословиц, изготовленные в типографии Морского корпуса, и покорнейше прошу с возвращением оных уведомить: 1) которая из двух по Вашему мнению должна быть избрана (в случае вообще согласия Вашего на печатание пословиц согласно предложению барона Корфа в небольшом числе экземпляров) и 2) не признаете ли удобным, чтобы к<онтр>-ад<мирал> Глазенап посылал Вам корректуру.

Покорнейший слуга А. Головнин.

Петербург.

29 ноября 1853.

Его высокоородию В. И. Далю.

5 декабря В. И. Даль отвечает А. В. Головнину согласием на печатание сборника на условиях, сформулированных М. А. Корфом.

Письмо В. И. Даля А. В. Головнину

5 декабря 1853 г.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Спущен корабль на воду — сдан Богу на руки; вот что остается мне сказать на милостивое предложение его высочества напечатать пословицы мои, несмотря ни на какие затруднения. Прилично ли было бы мне противиться этому? Я боюсь ответственности; вот все, что могу сказать.

Если печатание состоится, то принимаю с особенною признательностью распоряжение о высылке мне корректуры; у меня накопилось

еще сот пяток или поболее речений. Я их вставлю на своем месте. № 1 набора, конечно, лучше, потому что четче и по нужде можно для себя вписать тут и там прибавочную пословицу; но бумаги пойдет на целую треть более, а она дорога; особенно, если печатать на писчей (клеенной) бумаге, с широкими полями, для заметок и пополнений.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности моей

В. Даль.

№ 183.

5 декабря 1853 г.

Нижний.

Это письмо (автограф) отложилось в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 145, л. 61); черновой вариант, по которому Н. С. Плещунов опубликовал его отрывок, находится в фонде самогособиранателя (№ 27471). Письмо свидетельствует, что несмотря на то, что пословицам покровительствует сам великий князь, опасения за возможные последствия собиранателя не оставляют («я боюсь ответственности»). Близится пенсия, и В. И. Далю совсем ни к чему служебные разборательства.

В тот же день, 5 декабря, В. И. Даль пишет еще одно письмо — известному журналисту М. П. Погодину, своему давнему знакомому, не государственному чиновнику, которому можно было излить горечь в связи со всей цензурной историей: «Все помешаны на бумажной исполнительности, не заботятся о деле... А вот Вам образчик: Пословицы я услал великому князю Константину Николаевичу, он передал министру просвещения; этот в тоске — Российской Академии, которая дала отзыв, что печатать подобные вещи — значит отравить пищу и питье народу... Знай наших! Бей своих, чужие бояться станут».⁴¹

Итак, в начале декабря 1853 г. великий князь Константин Николаевич, судя по всему, был уверен в успехе предприятия. Но необходимо было, на что указывал в своем предложении М. А. Корф, еще получить разрешение императора. Константин Николаевич, видимо, не сомневался в согласии Николая I: ведь позволил тот когда-то напечатать книгу М. А. Корфа о декабристском восстании. Разговор Константина Николаевича с отцом по поводу пословиц В. И. Даля состоялся, по-видимому, незадолго до 17 декабря. Как сообщает А. В. Головин В. И. Далю в письме от 22 февраля 1854 г. (см. ниже), великий князь сообщил императору мнение Академии и предложение М. А. Корфа. Николай I, склонный отказать, не удовлетворившись частной беседой со своим сыном, потребовал официального доклада Министерства народного просвещения.

17 декабря Константин Николаевич, соблюдая субординацию, принятую в государственных делах, пишет товарищу министра

⁴¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 272.

народного просвещения А. С. Норову отношение, в котором просит А. С. Норова «исходатайствовать высочайшее разрешение напечатать пословицы Даля согласно предложению» М. А. Корфа (ф. 137, № 145, л. 62).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

17 декабря 1853 г.

Отпуск.

Его превосходительству
А. С. Норову.
17 декабря 1853 года.

Ваше превосходительство сообщили мне 6 ноября № 2125 сообщения о неудобстве печатать для обращения в продажу в настоящем виде Сборник пословиц стат<ского> сов<етника> В. Даля.

Желая извлечь из огромного труда г. Даля всевозможную пользу, я передавал оный статс-секретарю барону Корфу, который по рассмотрении одного уведомил меня, что главное достоинство этого Сборника заключается именно в полноте его, что он составляет «драгоценный небывалый запас к изучению отечественного слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вместе, народных пред-рассудков и суеверий», что сборник сей, оставаясь в одном рукописном экземпляре, легко может быть утрачен и что по сему было бы весьма полезно напечатать его не для обращения в народе, а в виде манускрипта в ограниченном числе экземпляров, но без всяких пропусков — для хранения в главных библиотеках и сообщения известным ученым и т. п.

Сообщая о сем Вашему превосходительству, прошу Вас, в особенное мне удовольствие, если Вы разделяете мнение барона Корфа, исходатайствовать высочайшее разрешение напечатать пословицы Даля согласно предположению барона Модеста Андреевича.

Подписал: Константин.

Верно: камергер Головин.

Через два дня, 19 декабря, А. С. Норов отвечает, что не находит препятствий, чтобы представить Николаю I соответствующий доклад, и просит прислать ему рукопись В. И. Даля (ф. 137, № 145, л. 63—64).

Отношение А. С. Норова Константину Николаевичу

19 декабря 1853 г.

Ваше императорское высочество,
милостивый государь,

По содержанию рескрипта, которым Вашему императорскому высочеству благоугодно было почтить меня, имею честь донести, что я не нахожу препятствия войти со всеподданнейшим докладом о дозволении напечатать в виде рукописи, в самом ограниченном числе экземпляров Собрание русских пословиц г. Даля, и разделяю мнение статс-секретаря барона Корфа, но только не во всех отношениях.

Некоторое число вредных пословиц раскольников или же оскорбительных для святости и опасных в видах правительственных, я полагаю во всяком случае подлежащими исключению. Собственно для пользы важного и любопытного труда г. Даля, как в большом его объеме, при напечатании в малом числе экземпляров, так и в случае издания одного сообразно с правилами цензуры, я смел бы полагать необходимым принять в соображение мнение почтенного академика протоиерея Кочетова, глубоко обдуманное со всех сторон.

Не благоугодно ли будет ли Вашему императорскому высочеству для ближайшего соображения всего дела приказать доставить мне подлинную рукопись и дозволить мне после того иметь счастье по сему предмету лично принять приказания Вашего императорского высочества.

С глубочайшим уважением и неограниченною преданностью имею честь быть, милостивейший государь, Вашего императорского высочества вернопокорнейший слуга

Авраам Норов.

19 декабря.

20 декабря Константин Николаевич пересылает пословицы В. И. Даля А. С. Норову, при этом высказывает пожелание увидиться с ним. По-видимому, он надеялся в личной беседе найти какие-то аргументы, которые помогли бы А. С. Норову представить императору благоприятный для хода дела доклад (ф. 137, № 145, л. 67).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

20 декабря 1853 г.

Отпуск.
Его прев<осходительству>
А. С. Норову.
20 декабря 1853 г.

Вследствие сообщения Вашего превосходительства от 19-го декабря, препровождая при сем собрание пословиц Даля и выписку из

отзыва его по прочтении замечаний Академии, я буду просить Вас в конце недели приехать ко мне, чтоб лично переговорить об этом деле, но теперь еще не могу назначить именно дня и часа, когда буду свободен.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

Нам неизвестно, состоялась ли личная беседа Константина Николаевича с А. С. Норовым по поводу пословиц В. И. Даля, неясно и каков был тон доклада А. С. Норова Николаю I, и вообще, был ли сам доклад. Если был, то он мог состояться между 20 декабря 1853 г. и 12 января 1854 г. Если судить по письму А. В. Головнина к В. И. Далю от 22 февраля 1854 г., великий князь так и не дождался доклада Министерства народного просвещения Николаю I. Великий князь Константин Николаевич вынужден был отступить перед императором Николаем I. Последний документ, отложившийся в канцелярии великого князя, обращен к А. С. Норову. Константин Николаевич просит того вернуть ему далевскую рукопись. Если пословицы невозможно пока издать, пусть они хранятся до лучших времен в библиотеке Мраморного дворца (ф. 137, № 145, л. 68).

Отношение Константина Николаевича А. С. Норову

12 января 1854 г.

Отпуск.

Полагая оставить до времени предположение о напечатании Собрания пословиц В. Даля, прошу Ваше превосходительство возвратить мне доставленную Вам рукопись.

Подписал: Константин.
Верно: камергер Головнин.

12 января 1854 г.
Его превосходительству А. С. Норову.

На обложке папки из канцелярии Константина Николаевича, документы которой мы привели выше, имеется надпись А. В. Головнина: «Государь великий князь изволил приказать хранить сию переписку в Отделении рукописей библиотеки его высочества вместе с собранием пословиц В. Даля. Д<ействительный> с<татский> с<оветник> Головнин» (ф. 137, № 145, л. 1). Данная надпись как бы подводит итог несвершенному делу: Константин Николаевич приложил много усилий, чтобы напечатать собрание В. И. Даля, но осуществить это в 1853 г. не удалось. «Мрачное семилетие» в истории России еще не закончилось. Хранить рукопись В. И. Даля до лучших времен, хранить и переписку, отражающую неудачу молодого

великого князя, — таково решение члена августейшей фамилии, еще только вступавшего в решение государственных дел.

А. В. Головнин, по-видимому, не спешил сообщать В. И. Далю плохие новости. Лишь 22 февраля 1854 г. он написал ему частное письмо (№ 27463, л. 9; опубликовано Н. С. Плещуновым).

Письмо А. В. Головнина В. И. Далю

22 февраля 1854 г.

22 февраля 1854. Петербург.

Давно собирался писать Вам, почтеннейший Владимир Иванович, но в теперешнее суетливое и хлопотливое время едва успеваешь справляться с самонужнейшим. Дело в том, что вел<икий> князь докладывал государю отзыв бар<она> Корфа и Академии о Ваших пословицах, и его величество отозвался, что если вел<икий> князь хочет напечатать оные, то чтобы доклад был сделан Министерством нар<одного> просв<ещения>. Вследствие этого пословицы были опять отосланы Авр<ааму> Серг<еевичу> Норову и были у него около месяца, но тогда его высочество решил, что лучше повременить, и потребовал от Норова обратно пословицы, которые и находятся в библиотеке вел<икого> князя.

Вот судьба Вашего многолетнего труда. Остается — ждать и ждать.

Иск<ренне> пред<анный>

Головнин.

На этом первая страница в истории публикации пословиц завершилась. В. И. Даль и все сочувствующие его пословицам стали ждать политических перемен. 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. И вскоре Константин Николаевич возвращается к этому делу. На этот раз он пытается заручиться поддержкой адмирала Федора Петровича Литке (1797—1882), который когда-то был главным воспитателем великого князя. Биограф Ф. П. Литке свидетельствует: «Литке был почти неразлучен с своим воспитанником и успел заслужить его глубокое уважение и особенное доверие».⁴² В архиве В. И. Даля сохранились предложения Ф. П. Литке по данному вопросу (№ 27473; автограф), датированные 28 марта 1855 г., адресованные А. В. Головнину и написанные, кстати, на листе писчей бумаги с траурной каймой.

⁴² О Ф. П. Литке см.: *Чечулин Н.* Литке Федор Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Том «Лабзина — Ляшенко». С. 468.

Ф. П. Литке о сборнике В. И. Даля

28 марта 1855 г.

При сем следуют обратно пословицы Даля. Труд огромный. Жаль, если б он остался без употребления. Но чтобы явиться в свет, собрание это, по моему мнению, потребует значительной переработки. И, во-первых, пересмотра и очистки. Многое может и должно быть исключено. Тут много лишнего. Есть вещи, которые ни почему не могут быть названы ни пословицами, ни поговорками. Есть просто места из Священного писания. Другие неловко или неприлично напечатать.

Во-вторых, пословицы каждой категории, на которых собрание разделено, должны быть подведены под азбучный порядок. Без этого употребление собрания будет затруднительно, и один из главных предметов его — доставление ему возможной полноты — не достигнется. Наприм<er>. Я знаю несколько интересных пословиц, которых не нахожу в Собрании. Как убедиться, что их тут в самом деле нет? Прочсть два толстых тома — очевидно невозможно. Пример, мною приводимый, не вымысел, а факт. Я вписал карандашом две или три пословицы, о которых убедился (или по крайней мере, так думал), что их в Собрании нет. Есть у меня в запасе и еще несколько полновесных. Но как узнать, есть ли они в Собрании или нет?

Наконец, третье, и самое трудное — при каждой пословице, не имеющей очевидного и общепонятного смысла, должно быть толкование. Без этого Собрание потеряет главный свой интерес.

Едва ли кто может сделать все это как должно, кроме самого Даля, — или по крайней мере, под непосредственным его руководством. Предприятие — достойное покровительства нашего великого князя. По-настоящему прямое дело Географического общества...

Литке.

28 марта 1855.

Его превосходительству А. В. Головнину.

Времена, действительно, изменились. Если в 1853 г. главный упрек в сторону пословиц В. И. Даля заключался в их богохульственном содержании, то в 1855 г. чиновный Ф. П. Литке такого рода претензий рукописи не предъявляет. Более того, он вписывает в рукопись изречения, которые явно бы не были одобрены И. С. Кочетовым: «Пойдем в церковь. — Спина болит. — Пойдем в кабак. — Оболокусь да поволокусь»; «Голинькой ох! А за охом Бог!» и «Бог даст деньги, а ч<ерт> ум» (ф. 137, № 178, л. 20, 21).

Одно из предложений Ф. П. Литке заключалось в расположении пословиц внутри разделов в азбучном порядке. Требование это объяснялось им трудностью поисков того или иного изречения. Своя логика в такого рода позиции, безусловно, существует. Так, вариант одной из пословиц, из не найденных у В. И. Даля и вписанных Ф. П. Литке, в собрании на самом деле был зафиксирован. На л. 73

читаем: «Голенький ох, а за голенького Бог». Но против азбучного порядка у В. И. Даля были свои аргументы.

Получив соображения Ф. П. Литке, А. В. Головнин сразу же связывается с В. И. Далем (№ 27463, л. 11).

Письмо А. В. Головнина к В. И. Далю

30 марта 1855 г.

Почтеннейший Владимир Иванович. Великий князь опять воротился к мысли о напечатании Ваших пословиц, и теперь, кажется, это можно будет сделать без всяких затруднений. На днях его высочество посылал их Ф. П. Литке, и вот ответ Литке, на который его высочество отчасти соглашается. Уведомьте, пожалуйста, что Вы об этом думаете. Возьметесь ли пересмотреть пословицы и не хотите ли сделать это в корректуре, которую мы могли бы посылать Вам, печатая в нашей обновленной типографии.

Пред<анный> В<ам> Головнин.

30 марта.

Петербург.

Итал<ьянская> улица на углу Шестилавочной, дом Чаруковского.

В архиве В. И. Даля отложился черновик ответа собирателя А. В. Головнину (№ 27474). Письмо начинается словами изумления по поводу того, что Константин Николаевич, только что потерявший отца, возвращается к печатанию пословиц.

Письмо В. И. Даля А. В. Головнину

5 апреля 1855 г.

5 апр<еля>.

Многоува<жаемый> Ал<ександр> Вас<ильевич>!

Изумляюсь благонамеренной настойчивости его выс<очества>. О пословицах ли теперь думать? Но тот и велик, кого достает на все, даже и на малое.

Отвечаю на замечания адм<ирала> Литке сподряд (так! — Т. И.):

1. На пересмотр и очистку сборника я вполне согласен, доказательством этому служит то, что я выкинул более 1000 изречений, принятых Снегиревым. Но в этом отношении взгляды различны: что именно лишнее? где предел очистки? Решить это можно только при указании именно на ту или другую поговорку. Места из Св<ященного> Пис<ания> приводятся мною тогда только, когда они в ходу, употребляются в речи, как пословицы и поговорк:i; если же сочтут это неуместным — пожалуй, можно исключить.

2. На перестановку в азбучном порядке не могу взяться — у меня не хватает на это ни сил, ни времени. Подумайте, что для этого нужно переписать снова все, расстричь по одной и подобрать. Но если бы пословицы были напечатаны сперва в этом виде, да один или два экземпляра оттиснуты так, чтобы одну сторону листа оставлять в пробел, то это весьма облегчило бы труд; тогда как угодно можно расстричь и подобрать каждый разряд отдельно. Правда, что это послужило бы и к исключению многих повторений, какие теперь, по огромности целого, нельзя <объять ?>; но с другой стороны, последовательность в смысловом порядке разряда была бы нарушена.

3. Толкование и объяснение, вероятно, составили бы сами по себе такой же том; это работа, которую не закончить в один год даже здоровому и досужему, а я, может быть, и век не кончу. Если один экземпляр будет напечатан без единой типографской переверстки, на полулистах, в таком формате, как издаются ноты, то можно заняться этим и издавать и можно бы даже раздать по такому экземпляру в разные руки.

Вы видите, что я не спорю ни в чем, но не могу взяться за то, на что нет сил.

Если решено будет печатать, то потребуется на это от меня несколько исправить, дополнить, очистить подлинник.

Усердно благодарю Вас за Ваше старание обо мне. Может быть, вскоре явится к Вам сын мой с большою просьбою...

На этом черновик обрывается. Как видим, при всех обстоятельствах, В. И. Даль на кардинальные изменения в своем сборнике идти не хочет. Предложение о переформировании тематических разделов сборника в азбучном порядке не принимается собирателем не только по трудоемкости его исполнения, но и потому, что фольклорист чувствует, что расположение пословиц в алфавите нарушит то стихийно рожденное художественное единство, которое присуще этому собранию.

Как бы то ни было, и на этот раз, в 1855 г., издание почему-то не состоялось. Эта страница цензурной истории, связанной со сборником «Пословицы русского народа», еще требует дополнительных разысканий. Наконец, укажем на еще один документ, который пока что никак не может быть нами прокомментирован. В архиве В. И. Даля хранится отношение Московского цензурного комитета на имя аптекаря Миндера (№ 27475).

Отношение Московского цензурного комитета г. Миндеру

19 декабря 1858 г.

Господину содержанию
Покровской аптеки Миндеру.
19 декабря 1858 года.
№ 662.

Московский цензурный комитет имеет честь препроводить к Вам, милостивый государь, представленную Вами и ныне рассмотренную и одобренную к печати рукопись под заглавием «Пословицы русского народа» В. Даля.

Член Комитета: <Гиляров-Платонов?>.

Этот документ свидетельствует о том, что в 1858 г. предпринимались серьезные попытки по изданию пословиц: получено наконец-то долгожданное цензурное разрешение. Но само издание, осуществленное Обществом истории и древностей российских, как известно, состоялось только через четыре года в 1862 г., причем цензурское разрешение помечено 9 марта того же года.

Собрание В. И. Даля⁴³ было напечатано в самый разгар реформ молодого Александра II, и уже без участия великого князя Константина Николаевича. Но усилия этого человека, приложенные для обнаружения одного из самых ценных фольклорных собраний, являющегося гордостью отечественной культуры, как нам кажется, должны быть известны русскому народу. Вне атмосферы гласности, к созданию которой Константин Николаевич был непосредственно причастен, собрание В. И. Даля появиться бы не могло.

Завершая свою статью в 1937 г., Н. С. Плещунов поставил одну задачу: «...следовало бы сравнить издание пословиц 1862 г. со списком их, который рассматривала когда-то Академия, если этот список где-нибудь случайно сохранился».⁴⁴ Как мы уже говорили, рукописный экземпляр, с которым знакомились рецензенты В. И. Даля,

---

⁴³ См.: *Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* / Изд. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1862. В библиотеке Пушкинского Дома хранится экземпляр, бывший когда-то в семье В. И. Даля. На первом листе книги, предпосланном авантитулу, имеется карандашная дарительная надпись В. И. Даля. На обороте обложки наклеен лист бумаги с пояснительной запиской последней владелицы книги: «Книгу В. И. Даля „Пословицы русского народа“ (Москва, 1862) с его автографом: „Ольге Даль от В. И. Даля. Москва, 24 июня 1862“ передаю в Институт русской литературы Академии наук СССР.

Книга принадлежала Ольге Владимировне Даль (в замужестве Демидовой), одной из дочерей В. И. Даля. Дочь О. В. Даль, Евгения Платоновна, в замужестве Ляпунова — моя мать.

25 октября 1951 г.

А. Ляпунова».

Укажем попутно, что Е. П. Демидова-Ляпунова была женой композитора С. М. Ляпунова, а Анастасия Сергеевна Ляпунова имеет самое непосредственное отношение к Рукописному отделу Пушкинского Дома: ею описан фонд М. А. Балакирева.

⁴⁴ *Плещунов Н. С.* К истории печатания «Пословиц русского народа» В. И. Даля. С. 36.

находится в архиве Константина Николаевича (ф. 137, № 178 и 179). Детальное сопоставление его с опубликованным изданием, а также с другим рукописным вариантом, подаренным В. И. Далем А. Н. Аксакову (см.: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ОЛДП Ф, № 148 — четыре тома) — это дело будущего. В настоящее время мы можем высказать несколько предварительных наблюдений.

Рукопись 1853 г. представляет собой два объемных тома — в 591 л. (№ 178) и 517 л. (№ 179). Почерк — писарский. Пословицы записаны чернилами коричневого цвета с значительными пробелами между строками — для того, чтобы при необходимости можно было делать дополнения. И дополнения эти делались уже в процессе переписки: между основными строками находятся более поздние вставки черными чернилами (также писарский почерк). В конце тематических разделов, как правило, оставлено свободное место (от полулиста до нескольких листов) — для тех же целей.

Знакомство с первым разделом «Бог — вера», идеологически очень значимым, свидетельствует, что текст рукописи 1853 г. практически полностью соответствует изданию 1862 г. Делая уступку рецензентам, составитель открывает этот раздел поговоркой «Жить — Богу служить», которой нет в рукописи. В остальном же изречения следуют в том порядке и без изъятий, как они даны в рукописи. Все пословицы, вызвавшие в 1853 г. неудовольствие рецензентов (отмечены карандашом, вероятно, И. С. Кочетовым или Ю. Е. Шидловским), сохранены в публикации: «Кто (человек) с лихостью, а Бог с милостью»; «Бог не Макешь (или: Мокошь, языческий славянский Бог), чем-нибудь да потешит»; «Бог не Никитка — повыломает лытки»; «Не скажешь аминь, так и выпить не дадим»; «Первую мерлушку попу на опушку»; «Монастырь доуку любит (т. е. просьбу и приношения)»; «Бог даст совет, так и в пост мясоед» и т. д. В издании имеются и дополнения, возникшие уже после того, как рукопись попала к Константину Николаевичу: «Во времени пождать: у Бога есть что подать»; «Божья роса Божью землю кропит»; «Ни отец до детей, как Бог до людей» и др.

Принципиальных изменений, на которых настаивали рецензенты, в издании 1862 г. по сравнению с рукописью 1853 г. сделано не было.